

ЭССАД
БЕЙ

БЕЛАЯ
РОССИЯ

ЛЮДИ
БЕЗ
РОДИНЫ

А л е т е й я

Эссад Бей

Белая Россия. Люди без родины

«Алетейя»

1932

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бей Э.

Белая Россия. Люди без родины / Э. Бей — «Алетейя», 1932

ISBN 978-5-00165-551-0

Опубликованная в Берлине в 1932 г. книга, несправедливо затем забытая, - одна из первых попыток представить историю и будущность первой волны русской эмиграции, называемой также «белой». Ее автор - Эссад Бей, загадочный восточный писатель, публиковавший в 1920—1930-е гг. по всей Европе множество популярных книг. В действительности это был Лев Абрамович Нуссимбаум (1905—1942), выросший в Баку и бежавший после революции в Германию. После прихода к власти Гитлера ему пришлось опять бежать: сначала в Австрию, потом в Италию, где он и закончил свой земной путь. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

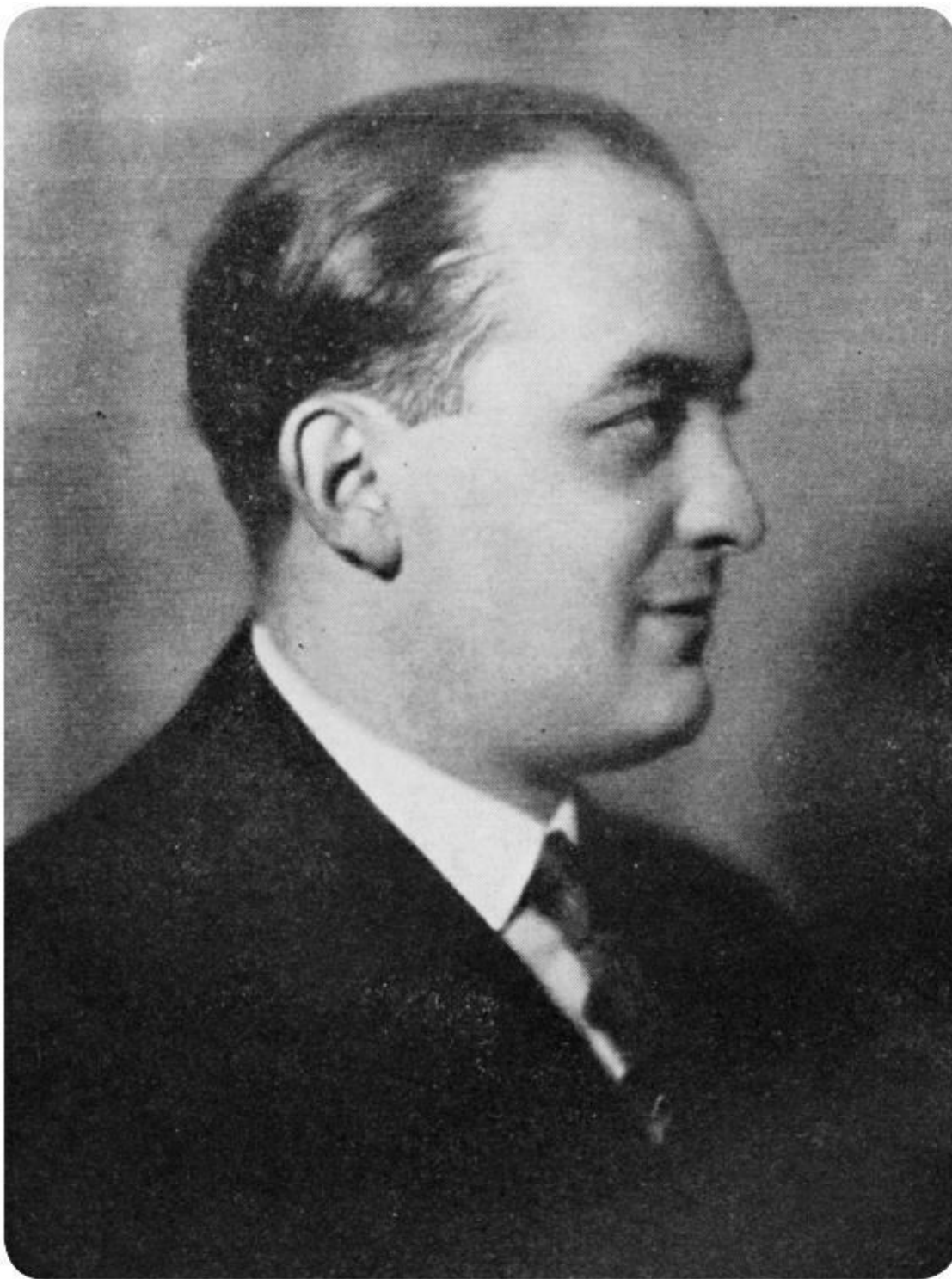
ISBN 978-5-00165-551-0

© Бей Э., 1932
© Алетейя, 1932

Содержание

Михаил Талалай	6
Эссад Бей	15
I	16
II	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эссад Бей (Лев Абрамович Нуссимбаум) Белая Россия. Люди без родины

Эссад Бей (Лев Абрамович Нуссимбаум)
1905–1942

© М. Г. Талалай, перевод, статья, научная редакция, комментарии, подбор иллюстраций,
2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

Михаил Талалай

Арабский принц родом из Киева

Предисловие переводчика

Одно из экзотических достопримечательностей великолепного итальянского курорта Позитано – «арабское», как его упорно называют местные жители, надгробие жившего тут и скончавшегося в 1942 г. писателя Эссад Бея¹. Сам по себе исламский тюрбан над Тирренским морем вызывает любопытство. Еще больше вопросов возникают при знакомстве с судьбой Эссад Бея, одного из самых загадочных европейских литераторов прошлого века. Дискуссии вокруг его имени разгорелись недавно в связи с планетарным успехом книги «Али и Нина (Нино)», переведенной на полсотни языков, вышедшей миллионными тиражами и экранизированной. Может, преувеличенно, но этот роман называли кавказским «Доктором Живаго».

Книга «Али и Нина» была опубликована в 1937 г. в Вене на немецком под псевдонимом Курбан Саид, и Эссад Бей, вне сомнения, был к ней причастен. Идут нескончаемые жаркие споры – в какой степени: можно ли поставить знак равенства, как это сделано на мемориальной доске в Берлине, водруженной на доме, где жил Эссад Бей? Или же он, быть может, с сообщниками, умело воспользовался чужой рукописью?

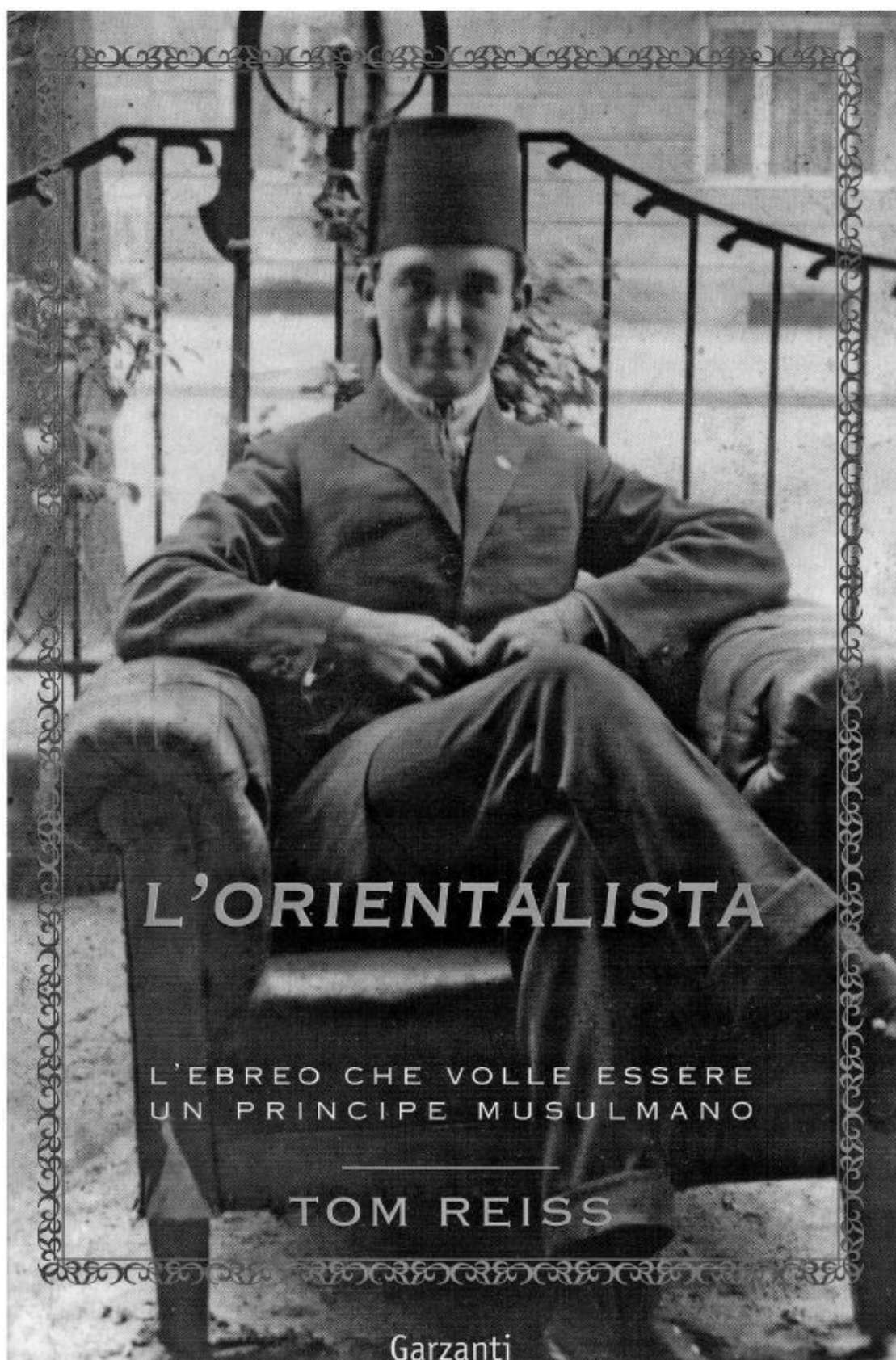
Перескажем ниже эту увлекательную полемику, а пока раскроем настоящее имя Эссад Бея: Лев Абрамович Нуссимбаум (Нусенбаум).

После колоссального успеха романа «Али и Нина», в 2005 г. вышла внушительная биография его автора «Ориенталист», написанная американским журналистом Томом Риисом (иногда фамилию передают по-русски как Рейс или Рейсс)². В увлекательной форме он описывает, как стал заниматься судьбой Эссад Бея, когда побывал в Баку в 1990-е гг. и услышал там о книге. Местные жители рассказывали о ней с восхищением: представления о дореволюционном Азербайджане и Кавказе у молодых бакинцев, которых повстречал Риис, основывались именно на этом тексте. Риис посвятил несколько лет разысканиям об Эссад Бее – нашел неопубликованные его записки и письма, повстречал людей, с ним связанных. Роман «Али и Нина» получил дальнейшую известность, когда в 2016 г. его экранизировали англичане, в голливудском стиле. В Батуми, в Грузии (героиня романа – грузинка) установили композицию «Али и Нина» – две гигантские движущиеся фигуры, которые стали местным символом.

Свою короткую жизнь Эссад Бей провел преимущественно в Берлине, писал на немецком, поэтому именно в Германии в последние годы образовался целый круг исследователей, занимающихся его биографией и творчеством. Существует специальный интернет-сайт (www.essadbey.de), где выкладываются документы, сертификаты, письма, полицейские записки и прочее. В том же Берлине возникла музыкальная группа, трио, которая выпустила диск «Who was Essad Bey?». Для оформления диска музыканты использовали фотографию, которую поместил и Том Риис на обложки своей книги – улыбающийся Эссад Бей, в феске, сидящий в огромном кресле-диване. Ироничное трио остроумно назвало себя «Дезориенталисты» (напомним, что роман Рииса называется «Ориенталист»).

¹ Переводчик книги заинтересовался историей Эссад Бея в начале 2000 – х гг., когда вместе со своими коллегами стал собирать материалы для выставки о творчестве русских эмигрантов на Амальфитанском побережье. См. каталог выставки: *In fuga dalla storia. Esuli dai totalitarismi del Novecento sulla Costa d'Amalè / a cura di D. Richter, M. Romito, M. Talalay. Amalè: Centro di Cultura e Storia Amalètana, 2005.*

² *Reiss T. The Orientalist: Solving the Mystery of a Strange and Dangerous Life. New York: Random House, 2005.* Русс. изд.: «Ориенталист. Тайны одной загадочной и исполненной опасностей жизни». М.: Ад Маргинем, 2012 (в итал. переводе дан такой подзаголовок: «Еврей, который хотел быть мусульманским принцем»).

Обложка книги Тома Рииса «Ориенталист» (итальянское издание, 2006 г.)

Литератор себя позиционировал в Германии как восточный, преимущественно арабский принц: его аристократизм происходил якобы из Османской империи. Иногда турецкую родину литератор менял на Иран или Грузию. Однако в 2000-е гг. обнаружились точные

данные о его рождении. Лев родился не на Кавказе, как утверждал, а в Киеве (в 1905 г.), и с ним совершили обряд обрезания в местной синагоге – что утверждали его враги еще при жизни писателя. Почему же писатель скрывал этот факт? Документ из киевской синагоги полностью разрушал легенду об оттоманском принце. Если Баку еще можно было вписать в турецкий ареал, то украинская столица совсем не годилась для этого образа. Сертификат из Киева свидетельствовал об истинном положении вещей: Эссад Бей был сыном нефтяного дельца, с гешефтом в разных городах Российской империи и с говорящим именем Абрам Лейбусович Нусенбаум (или Нуссенбаум, а позднее стало писаться Нуссимбаум и Нусимбаум). Согласно иудейской – и не только – традиции Абрам Нусенбаум передал сыну имя своего отца: Лейб, в русской огласовке, Лев.

Впрочем, рождение в Киеве – случайное обстоятельство, потому что вырос Лев, действительно, в Баку, где попытался укорениться отец, и воспоминания о великолепном, богатом городе той поры (естественно, в детских глазах Каспий приобретал еще более яркие, живописные черты) в итоге и дали ему главный источник творческого вдохновения – он навсегда полюбил Восток, стал «ориенталистом».

Сказалась и ностальгия. Любовь к Востоку усилилась в покорившем его Константинополе, когда он с отцом (мать, Берта, иначе Бася, Давидовна, урожденная Слуцкая, покончила самоубийством, когда Лёва был маленьким) бежал из «красного Баку». Попав в итоге в Берлин, он стал магометанином: в молельне при турецком посольстве в 1922 г. он принимает ислам и меняет имя – из Льва Абрамовича Нуссимбаума становится Эссад Беем, иногда добавляя впереди еще и «Мухаммед», в честь Пророка. Говорить, что он взял себе псевдоним – неправильно: на самом деле это вариант его собственного имени: «Эссад» по-турецки означает «лев»; «бей» – благородная приставка.

После берлинской русской гимназии (он учился вместе с сестрами Владимира Набокова и Бориса Пастернака), не окончив ее, он записывается – как грузин – в университет на факультет восточных языков, где изучает турецкий и арабский. Так юноша прощается со своим российско-еврейским прошлым и становится оттоманским «беем», пусть и с нансеновским паспортом. Из университета его, впрочем, исключают, обнаружив отсутствие законченного среднего образования.

Однако Эссад Бей уже вступает на новую стезю – литератора, сумев установить плодотворное сотрудничество с популярным берлинским журналом «Literarische Welt» («Литературный мир»)³. Он изобретает себе антураж, надевает восточные костюмы, чалму. Пишет – очень много – в основном, о Востоке, но не только. Выходят его книги «Нефть и кровь на Кавказе» (дебютная), «Двенадцать тайн Кавказа», разные жизнеописания, монография о ГПУ. Он как первопроходец составляет биографии Сталина (представляясь грузином), Ленина и Николая II (представляясь русским турком). Враги изобличают его в ошибках и фантазиях, но публика читает его бойкую, ироничную прозу с упоением. За восемь лет Эссад Бей публикует 16 книг.

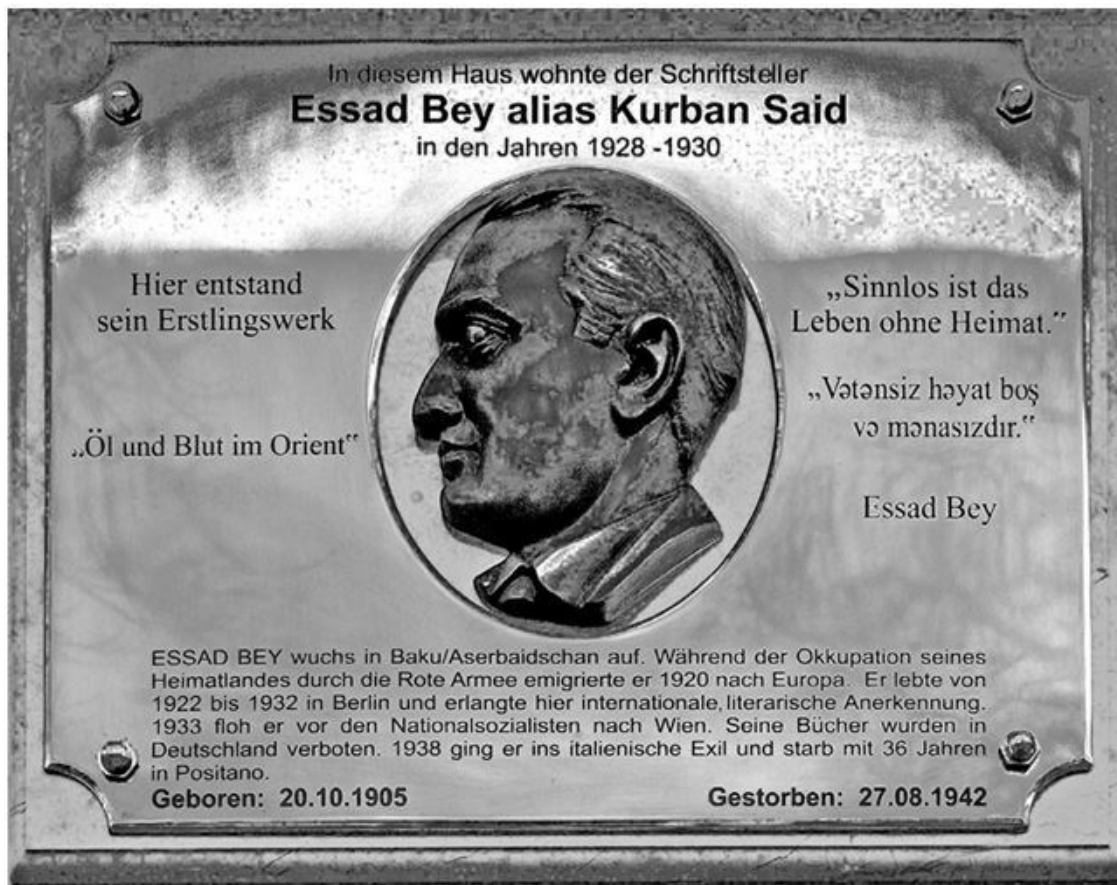
Пишет он исключительно на немецком языке, которым владел с детства, т. к. его любимой няней была русская немка из Лифляндии (совр. Латвии), Алиса Шулте⁴. Ее вывез отец Льва из революционной России, и сам писатель свою няню преданно с собой брал во все свои скитания, включая последний свой этап жизни в Италии, где думали, что этого его замаскированная мать.

Эссад Бей становится одним из культовых персонажей веймарской Германии. Он много проводит времени в берлинских кафе с местной богемой, которая доверчиво воспринимала его как человека Востока; он презентует собственные книги, выступает с лекциями в разных

³ См. об этом ниже статью Даниэлы Падуларозы.

⁴ Алиса-Мелания Шулте, иначе Шульте, урожд. Детте (Цесис, 1863 – Мерано, 1954). Она вышла замуж за русского немца, жившего на Кавказе (в Тифлисе), а овдовев в 1911 г. и переехав к сестре в Баку, приняла опубликованное в газете предложение отца Льва, искавшего гувернантку.

городах Европы. В Берлине в 1932 г. он женится на Эрике Лёвендаль, немецкой еврейке, которая себя позиционирует как поэтесса из Богемии (некоторые основания на это у нее были, т. к. ее отец имел в Праге обувную фабрику, и кроме того, являлся консулом Чехословакии в Берлине). Молодая жена предлагает супругу сделать карьеру в Америке – в особенности на этом настаивает его тесть-фабрикант, который превозносит американский стиль жизни. Новые родственники увозят Эссад Бей в Америку. Ему же там не по себе, он киснет, впадает в депрессию, пишет мало, и молодая чета возвращается в Европу.

Мемориальная доска на доме в Берлине (Фазанеништрассе, 72), в котором жил Эссад Бей

Через два года после свадьбы брак расстраивается. Эрика бросает Льва: разразился скандал в прессе – «богемская поэтесса» публично заявляет, что «мой арабский принц оказался банальным Нуссимбаумом».

Для Эссад Бей наступают тяжелые времена, у власти в Германии – нацисты и, несмотря на то, что он мусульманин, туркофил, пишет о Востоке, немцам хорошо известно его еврейское происхождение. В 1935 г. он был исключен из Союза германских писателей (без объяснения очевидных расистских причин), что автоматически лишало его права публиковаться в Третьем Рейхе. Писатель вместе с отцом переезжает в Австрию, которая до аншлюса служила убежищем как для немцев-антинацистов, так и для немецких евреев. В Вене тогда образуется целое сообщество беженцев-литераторов, и именно в тот момент, в 1937 г., там и выходит ставший знаменитым роман «Али и Нина». Однако и в Австрии после аншлюсса возобладали нацисты и Эссад Бей снова бежит, в 1938 г., в свой последний приют – в Италию. Отец, Абрам Лейбович Нуссимбаум, из Австрии не сумел выбраться и в 1941 г. гибнет в концлагере – но сын об этом уже не узнает.

Италия привлекала писателя также и фигурой Дуче: ярый антикоммунист, Эссад Бей полагал фашизм возможным щитом против большевистской угрозы. Он надеялся написать панегирическую биографию Муссолини, однако тот, вслед за Гитлером, принял расистскую идеологию и законы: итальянской полиции было известно еврейское происхождение Эссад Бея и его попытки попасть на прием к Дуче оказались заблокированными. Самые последние годы он провел на Юге Италии, в Позитано, в нищете, под постоянной угрозой высылки в какую-нибудь глушь как нежелательный иностранец (неаполитанский край считался стратегической зоной) или, более того, – депортации в немецкий концлагерь как еврей. Он, как и другие эмигранты в той же ситуации, пользовался помощью знакомых медиков, периодически предоставляя справки о болезни (и разного рода немыслимые бумаги, в том числе, вероятно, американский аффидевит⁵, который в литературе об Эссад Бее мифологизировали как билет на корабль). Однако в его случае заболевание было настоящим, и очень тяжелым: в 1942 г. литератор скончался от синдрома Бюргера, воспалительного заболевания артерий и вен.

⁵ Аффидевит – в американском праве письменное показание или заявление лица, выступающего в роли свидетеля или поручителя, дается под присягой и удостоверяется нотариусом или иным уполномоченным должностным лицом.

Мемориальная доска на доме в Позитано, где жил и скончался Эссад Бей

Ему было 36 лет. В метриках местного муниципалитета после его кончины появилась запись: «американский гражданин арийской расы» – небывалый пример посмертной мистификации. На кладбище Позитано над его могилой возникло традиционное мусульманское надгробие, что породило в среде местных жителей мнение, что покойный был арабом... В иерусалимском же мемориале «Яд Вашем» его имя вписали в список жертв Холокоста (с чем многие не соглашались).

* * *

Известность Льва Нуссимбаума сегодня выросла из-за горячей дискуссии об авторстве романа «Али и Нина» между разными исследователями – немецкими, итальянскими, американскими, азербайджанскими.

Книга, в самом деле, вышла под абсолютно новым псевдонимом – Курбан Саид. Договор на нее однако был подписан между венским издательством и некой баронессой Эльфридой Эренфельс фон Бодмехерсхоф, знакомой Эссада Бея (и родственники баронессы считают автором книги именно ее). Одновременно стиль Курбан Саида заметно отличается от всего того, что прежде писал Эссад Бей. У последнего – легкое, язвительное перо, а «Али и Нина» это высоко-романтическая книга о трогательной любви мусульманина-азербайджанца и христианки-грузинки, подобной которой ни в каких текстах у Эссада Бея не встречается. Но нельзя исключить, что писатель сумел талантливо переменить регистр... Публиковать же новые тексты под своим старым псевдонимом он не мог. Не мог беженец-еврей и подписывать контракты.

Азербайджанская партия продвигает версию, согласно которой основной текст принадлежит литератору-бакинцу Юсифу Чемазенменли, а Эссад Бей, возможно, слегка приложил к нему руку. Чемазенменли бежал из Баку после революции, жил во Франции, писал, что-то публиковал, что-то нет, потом вернулся на родину и погиб в сталинских лагерях. Сторонники этой версии, а теперь это официальная позиция в Баку, полагают, что то ли сам Эссад Бей, то ли вместе с Эльфридой Эренфельс фон Бодмехерсхоф воспользовался неопубликованной рукописью, которую оставил Чемазенменли, когда жил в Европе. Том Риис, непреклонно защищая свой тезис о тождестве Эссада Бея и Курбан Саида, стал персоной нон-грата в Азербайджане. Споры вокруг псевдонима Курбан Саид еще не завершены.

Если же обратиться к книге «Белая Россия», то с ее авторством проблем нет: ее написал Лев Нуссимбаум. Она вышла под его писательским именем – Эссад Бей; в тексте очевидны и его биографические вехи.

Книга стала одной из первых попыток дать некий общий портрет Русского Зарубежья. Автор одним из первых употребил такие термины, как «государство вне государства», пояснив его «закрытый тип» и описав различные структуры. В целом, это связное повествование об истории белой диаспоры: ей как «государству» тогда, в 1932 г., исполнилось всего лишь двенадцать лет, но она имела три миллиона подданных (цифра согласуется и с современными данными). Эссад Бей подробно описал зарождение Белого движения, судьбу его зачинателя, Лавра Корнилова, реконструировав в главе «Ледовый поход» эту эпическую страницу. Особый сюжет – Галлиполийский лагерь, восхитивший автора выдержкой беженцев-солдат. В главе «Армия в изгнании» автор рассказывает о деятельности Российского Воинского союза и его филиалов по всей Европе, о готовности белогвардейцев к продолжению Гражданской войны. Очерчены политические партии, монархическое и прочие движения; в главе «Внутренняя борьба» описываются убийства Набокова и Петлюры.

Автора интересовали все аспекты Белой России. Для него, несмотря на его увлечение Востоком, она остается неким эстетическим идеалом, и именно в эстетических категориях он преподносит последнее царствование – падшую Империю (в таком же ключе им написана биография Николая II, см. ниже переведенное нами предисловие к ней). В главе «Наемники и певцы», посвященной казакам, он, с одной стороны, он восхищается казаками, любит их преданностью «Белому царю», их удалью; с другой стороны, еврейское происхождение настраивает его на критическую волну. Этот очерк Эссада Бея первоначально появился на немецком в берлинской прессе и был отслежен казаками-эмигрантами. Существовал их журнал «Вольное казачество», где они, не вступая в полемику, процитировали ряд пассажей Эссада Бея, которые

показывали его достаточно отдаленное знание казачьих реалий. Как ни удивительно, казаки даже не догадались, что очерк был написан их соотечественником. Меланхолично рецензент в конце писал, что когда же, мол, мы сами, казаки, будем писать о нас самих, и доколе некие иностранцы будут излагать такие несурзные вещи.

В книге представлены яркие отдельные биографии, здесь автор был ассом. Среди любопытных персонажей – Арон Симанович, секретарь Распутина, еврей, которому помогал «старец» и который затем бежал во Францию и там оказался под следствием, потому что подделывал советские денежные знаки, как он утверждал, гибели Советов ради. Автора, конечно, интересовали и первые невозвращенцы: есть отдельная глава о советском дипломате во Франции Григории Беседовском, который сбежал со своего поста в 1929 г. Изложена одна любовная история не без восточных преувеличений: Георгий Агабеков, агент НКВД в Константинополе, согласно Эссаду Бейю, влюбившись в англичанку, решил бежать из Совдепии (был казнен советскими агентами в 1937 г.). Есть сюжет об исходе немцев из Советской России: здесь автор описывает лично увиденные им опустевшие немецкие селения на Кавказе: в эпоху Российской империи переселенцы из Германии имели возможность жить и на Востоке, устраивая там свои селения с кирхами, со своими производствами. Естественно, всё это разрушилось во время Гражданской войны, а затем было окончательно ликвидировано.

Есть одна глава, которую сейчас можно назвать «гендерной» – «Эмигрантские жены». Отдельная глава посвящена нашумевшему тогда казусу с самозванкой Анастасией. Другой очерк – «Борьба против СССР»: Белая Россия посылает свои отряды на советскую территорию (нашумевший случай с Борисом Савиновым, хотя автор анализирует не только эту, но и другие попытки возобновления Гражданской войны на советской территории).

Жанры меняются, перемешивается ностальгия с эпосом, не без иронии и гротеска: Эссад Бей принадлежит к другому поколению и эмигрантские зубры у него зачастую вызывают саркастическое отношение. Особенно достается лже – аристократам. Последняя глава «Белой России» – размышления автора о ее будущем. Каково же будущее страны, которой всего лишь двенадцать лет? Он приходит к заключению, что то поколение, которое живет в Советском Союзе, и нынешнее поколение Белой России никогда между собой не договорятся – слишком велика ненависть между этими двумя Россиями, но, предрекает он, установят сотрудничество их дети, которые будут изъясняться ни на языке коммунистов, ни на языке белогвардейцев. Эти следующие поколения ощутят себя представителями евроазиатской империи, они начнут сотрудничать, осознают свое величие и будут за него бороться...

Эссад Бей писал книгу для немецкого читателя: в русской культуре она осталась неизвестной. Да, и в Германии ее не успели толком прочитать: спустя полтора года после выхода ее сожгли на символическом костре, изъав из книжных лавок и библиотек. Автор, в тот момент бывший в Америке, публично сетовал, что тупые немецкие власти не разобрались с антикоммунистическим пафосом книги, посчитав ее прославянской пропагандой. О «Белой России» вспомнили в Восточной Германии после падения берлинской стены: теперь ее антисоветизм оказался востребованным и в 1991 г. книгу переиздали в Лейпциге.

По нашему мнению, из произведений Эссада Бейя на историко-политические темы сейчас только «Белая Россия» сохранила актуальное значение, будучи ярко выраженным и хорошо документированным свидетельством талантливого очевидца, сопричастного к «государству беженцев».

* * *

Перевод осуществлялся преимущественно по итальянской версии книги «L'armata bianca» (Milano, 1933), но сверялся с оригиналом – «Das weiße Rußland. Menschen ohne Heimat» (Berlin, 1932). Заметим, что в 2005 г. Баку была сделана попытка ее перевода на

русский (издательство «Нурлан»; переводчик не указан): ее автором обозначен Мухаммед Асад-бек⁶. Однако этот текст, без каких-либо комментариев, изобилует столькими ошибками и неточностями, что просто не «читабылен».

В 2020 г. вышло первое издание нашей книги⁷. Для настоящего переиздания мы пересмотрели перевод, снабдили его редкими иллюстрациями и именным указателем, добавили новые комментарии, перевод фрагмента из биографии Николая II и два обширных очерка наших коллег, а также расширили предисловие за счет уточненных биографических данных об авторе книги.

Своими ценными консультациями помощь оказали: Ильгам Аббасов (Баку), Андрей Барановский (Петербург), Сюзанна Браммерло (Гамбург), Андрей Корляков (Париж), Андрей Мановцев (Москва), Ханс-Юрген Маурер (Франкфурт-на-Майне).

*Михаил Талалай,
Милан*

⁶ Азербайджанская версия имени Эссад Бей.

⁷ Исключительно в электронной версии, на ресурсе Ridero.

**Эссад Бей
Белая Россия
Люди без родины**

**DAS
WEISSE RUSSLAND
MENSCHEN OHNE HEIMAT**

VON

ESSAD BEY

BERLIN 1932

GUSTAV KIERENHEIMER VERLAG

I

Четыре тысячи против десяти миллионов

Молодой офицер-казак, из российского Генштаба, прибыл однажды в Туркестан, овладел там восточными языками, отрастил усы на китайский манер и в одежде проводника каравана пересек горы, леса и степи Афганистана, Индии и Восточного Туркестана.

Он зарисовывал все требуемые Генштабом планы, ночевал у костров кочевников, молился в мечетях, а его раскосые глаза запечатлевали холмы, тропинки и ущелья, по которым царская армия в один прекрасный день должна была вторгнуться в Индию.

Однако царская армия так и не показала у врат Индии. На перевале Кабир по-прежнему живут потомки афригидов⁸, под покровительством англичан. Напротив, вспыхнула Мировая война, и раскосые глаза казака, загоревшего на солнце и дослужившегося до генерала, увидели бесчисленные казачьи атаки в составе царских полков.

Лавр Георгиевич Корнилов, генерал от инфантерии, низкого роста, смуглолицый, с черными волосами, расчесанными на прямой пробор, с развитыми скулами, с редкими вислыми усами, побывал на всех фронтах в окружении личной охраны всадников из дикого Туркестана: он образцово выполнял свой долг, говоря как на родном языке, так и на языке пустынь – со своими конниками-текинцами.

⁸ Династия царей древнего и раннесредневекового Хорезма (IV–X вв.), ведущая начало от царя Африга. – *Здесь и далее прим. М.Г. Талалая.*

Встреча Лавра Корнилова в Москве в 1917 году

Потом началась революция, распад армии и метеорическая слава адвоката Керенского. После ряда ложных шагов и разочарований Керенский назначил Корнилова главнокомандующим десятиmillionным войском.

Это была роковая ошибка адвоката-социалиста. Генерал с Востока решил прибрать к своим рукам бразды правления. Путь к власти ему преграждали социалисты, Керенский и Советы. Власть же для Корнилова означала продолжение войны, возобновление дисциплины, конец революции и установление воинского порядка над всей гигантской империей. Дабы добиться этого, Корнилов привлек к себе «дикую дивизию» из туземных казаков, несколько сотен отборных офицеров и георгиевских кавалеров.

С этими отрядами одним сумрачным июльским утром 1917 года⁹ Корнилов оставил свой Генштаб в Могилеве ради захвата Петрограда, изгнания из него социалистов и восстановления порядка.

Официальная карьера главнокомандующего завершилась под Петроградом возле Сусанино. Против кавказских полков и батальона георгиевских кавалеров Керенский выслал объединенные силы молодой революции – матросов, вооруженных рабочих и интеллигентов. А также последнее средство; делегацию из кавказских священников и князей, которые должны были тет-а-тет убедить земляков не губить недавно обретенную свободу¹⁰ ради Корнилова.

Умение кавказских мудрецов убеждать, а также «объединенные силы молодой революции» на этот раз оказались более удачливыми. Революция восторжествовала, и у врат Петербурга прервалась карьера Корнилова. Так завершился и идиллический период русской революции!

Этой победой Керенский разбил и самого себя. Большевики-победители, которых он сам подтолкнул к действию, почувствовали свою мощь.

Главнокомандующий десятиmillionной армии был арестован. Но очень скоро матросы, вооруженные рабочие и даже кавказская делегация отвернулись от Керенского. Министр-председатель, военный и морской министр демократической России, переодетый медсестрой, бежал из Гатчинского дворца. Правительство до последнего защищало женщины в форме – знаменитый женский батальон. Бежал и генерал Корнилов, пусть и не в женском платье, и не под охраной вооруженных барышень. Ночью его вызволили из тюрьмы конники-текинцы. На низкорослой туркестанской лошадке, под защитой телохранителей он удалился от блестящей имперской столицы, охваченной убийствами и грабежами, а также затопленной кровью Москвы и от большевиков, выползших из подполья и устроивших генштаб за толстыми кремлевскими стенами.

Корнилов бежал на Юг, в Донскую область, в тихие казачьи станицы родного края. Старая Россия пребывала в хаосе. Большевики командовали в больших городах, селах, промышленных центрах. Для генерала они принадлежали, согласно выражению Троцкого, к четвертому измерению. Промышленники, писатели, офицеры, ученые, вся элита старой России, одним словом, вся буржуазия покинула территорию «Брест-Литовских предателей», оставив на произвол судьбы роскошные виллы, особняки, банки, заводы, полки, университеты. Сбежав на Юг, в край вольных казаков, на тихие берега Дона, в древнее русское Эльдorado мужиков и казаков.

Здесь, на тихом Доне, среди казачьих станиц, в благородном воинственном краю и возникла «Белая Россия». Ее отцом стал казачий генерал, бывший главнокомандующий русской армии Лавр Корнилов: однажды он объявился тут со своим отрядом текинцев.

Однако Дон уже переставал быть тихим.

Правда, казаки пока еще ничего не хотели знать о большевиках. Правда и то, что в столице донского казачества Новочеркасске всё еще командовал атаман «Всевеликого Донского войска». Но казачьи города, Ростов и Новочеркасск, наводнились, кроме разношерстной солдатни, беглыми придворными дамами, странствующими школярами, безработными генералами и редакторами главных петербургских газет. Всё это не было по нраву казакам.

В деревнях, где прежде господствовали царь, атаман и старейшины, внезапно объявились молодые люди, которые, в присутствии отцов с крестами на груди, критиковали незваных гостей с Севера и военных шишек, заявляя, что загадочные северные Советы и вправду являются истинными и единственными защитниками казачьей воли. Десятиmillionная мятежная

⁹ Корнилов высказал свою программу по наведению порядка в России 25 июля (ст. ст.), однако выступление его войска на Петроград («Корниловский мятеж») началось 25 августа (ст. ст.).

¹⁰ В момент Корниловского выступления в Петрограде проходил съезд лидеров мусульманских общин, которые направились в Туземную дивизию «корниловцев» и общались с ней в течение часа: после этого кавказцы решили не воевать.

армия хаотично рассеивалась по всей империи – та самая армия, которую призвал на войну царь и которая теперь, частично, отдавала себя в распоряжение новому правительству РСФСР, со своей сомнительной дисциплиной и проблематичным энтузиазмом.

Вольная зона на Дону всё сжималась. В станицах казаки издевались над солдатами-беженцами, не шевеля и пальцем для них. Офицеры разных войск слонялись по улицам, страшась большевиков и видя в казаках им ниспосланных Богом спасителей Святой Руси.

Генерал расположил свой штаб сначала в Новочеркасске, а затем в Ростове, в самом большом казачьем городе. Вселившись в роскошный особняк Парамонова, он выставил охрану текинцев, собрав вокруг себя горстку беженцев, разделявших его идеи. Так в конце 1917 года в особняке купца Парамонова зародилась «Белая Россия»¹¹.

Хотя у Корнилова было немного генералов, однако каждый из них имел в России достаточно сторонников. Вскоре во все уголки страны разнесся их призыв к боевым товарищам создать добровольческую армию против большевиков. Правительство Дона и оставшийся верным царю атаман генерал Краснов¹² помогли зародившемуся движению. Во всех донских станицах развесили прокламации Корнилова. Всех офицеров-беженцев призвали вступить в Белую Армию. Внезапно возникли и казаки, пожелавшие создать свои полки. Офицеры вынуждены были стать в строй рядовыми, а над ними были лучшие полководцы: Романовский, Алексеев, Деникин¹³.

Генералы ораторствовали, казаки клялись умереть ради свободы. Любой желавший мог собрать отряд. Все поклялись захватить Москву в кратчайшее время. Казачий офицер Греков, по прозвищу Белый дьявол¹⁴, собрал из наемников отряд и тут же предался грабегам. Раскосые глаза генерала Корнилова, первым увлеченным «белой идеей», блистали особо в этом хаосе. Месяцами шла агитация Корнилова и его генералов. А в то время всё сужалось кольцо вокруг Дона.

Со временем и казаки охладели к делу, и в момент, когда Белая Россия должна была перейти к действию, выяснилось, что против разложившейся десятиmillionной армии Святая Русь царя, священников и генералов может выставить лишь четыре тысячи воинов. Воззвания генералов, клятвы казаков, молитвы попов, вековая традиция верности династии, дисциплина и долг, – всё это составило только четыре тысячи, при десятках тысяч офицеров-беженцев. Всё более сжималось кольцо Красной армии, всё отчаяннее становились призывы Корнилова.

Наконец, генерал собрал свое войско. В это время большевики уже были на подступах к Ростову, и Корнилову вместе с войском Белой России пришлось оставить казачий город, пробиваясь в сторону степей и пустынь.

¹¹ Особняк Н.Е. Парамонова, построенный в 1914 г., сохранился в Ростове-на-Дону. В настоящее время в нем располагается университетская библиотека.

¹² Петр Николаевич Краснов (1869–1947) – донской офицер, участник Первой мировой войны и Белого движения; во время Второй мировой войны возглавил Казачий стан (в составе Вермахта) и, выданный англичанами, был казнен в Москве.

¹³ Иван Павлович Романовский (1877–1920); Михаил Васильевич Алексеев (1857–1918); Антон Иванович Деникин (1872–1947) – полководцы, организаторы Белого движения. Об А.И. Деникине см. главу V; об убийстве И.П. Романовского в Константинополе см. главу VIII.

¹⁴ Кубанский сотник, прозвище получил как альбинос (возможно, пошел из-за болезни). За грабежи был судим самими белыми. Расстрелян в апреле 1920 г. в Екатеринодаре по приговору ЧК.

II Ледовый поход

Четыре тысячи воинов шли по степи, а против них было десять миллионов: демобилизованные солдаты, крестьяне, рабочие, большевики. Четыре тысячи приняли бой. Они шли по унылым ледяным степям Дона. Враг шел по пятам. Впереди, в окружении диких текинцев, скакал Корнилов, а за ним катилась пестрая масса из разных мундиров, языков и рас. В один момент им повстречался отряд китайцев во главе с сибирским казаком. Никто не знал, что привело их в войско Белой России: то ли страх перед большевиками, то ли желание пограбить.

В первый полк влился персидский отряд, распевавший свои бодрые военные гимны под русским стягом. С ними генерал общался без переводчиков. В авангарде шла живописная туркестанская кавалерия – и их язык понимал один лишь генерал. Грузинские князья-гвардейцы и русские студенты были основой войска. Позади, в экипажах передвигалось несколько дам, пара журналистов, дюжина генералов, потерявших свои полки, и один-единственный представитель народа, по крайней мере по обстоятельствам рождения, – матрос Баткин¹⁵, выступавший с пламенными речами во всех встречах станицах: его ненавидели все генералы, за исключением Корнилова. А в самом конце эшелона, на разбитых телегах тащились жалкие штатские люди, над которыми насмехались даже женщины.

С пухлыми бледными лицами они свысока смотрели на всех остальных. Лишь немногие знали, что означал этот штатский багаж в корниловской армии. Но те, кто знал презрительно усмехались, т. к. эти пухлые и бледные, отнюдь не воинственные лица принадлежали членам правительства Кубанской республики, законному правительству, отовсюду изгнанному и в поисках пристанища прибывшему к Корнилову.

Армия из блестящих генералов, гвардейцев, китайцев, персов, министров повсюду сталкивалась с противником. Перед ней расстилалась степь, полная опасности. На горизонте непременно маячили красные враги. Не проходило ни дня без налетов. Каждый день был как завоевание. Без теплой одежды и продовольствия, четыре тысячи шли в степи по льду и снегу, ежедневно встречаясь с тысячью опасностей. В селах они встречали насупленных крестьян, зная, что все они стали большевиками.

– Пропустите нас, – заявлял Корнилов крестьянам. – С вами ничего не будет!

Редко ему давали согласие, и приходилось преодолевать сопротивление.

Армия Корнилова состояла преимущественно из офицеров, натерпевшихся от большевиков. Чуть ли не каждый побывал в тюрьмах Чека; у многих расстреляли жен и детей. И теперь они мстили крестьянам, степным большевикам. Когда какой-то большевицкий¹⁶ отряд попадал в руки Белой армии, то его бойцов приводили на сельскую площадь, затем выходили вперед офицеры, докладывали командиру и закалывали пленных штыками. Патронов было мало и их жалели.

Казнить допускалось не всем, а тем, кому довелось доказать, что потеряли жен, детей и имущество по вине большевиков. Таковым разрешалось всё: они могли убить, кого хотели, даже когда и не была доказана принадлежность к большевикам – просто из антипатии. В присутствии генералов и в тех случаях, когда в плен попадала молодежь, применялись и другие казни. С пленных приспускали штаны, и один казак наносил пятьдесят ударов кнутом. Дабы

¹⁵ Федор Исаакович [Эфроим Ицкович] Баткин (1892–1923), участник Первой мировой и Гражданской войн, георгиевский кавалер, участник Белого движения; в 1920 г. эмигрировал в Турцию, где был завербован ЧК. Вернулся в Россию в 1923 г. и был расстрелян (как якобы шпион).

¹⁶ Мы при переводе употребляли эту форму прилагательного (а не *большевицкий*), характерную для белоэмигрантских публикаций.

отправить человека на иной свет, часто хватало и этого. Во время экзекуций свободные от этого дела солдаты занимались разбоем. В самом конце вперед выходил генерал, ораторствовал, и отряд продолжал путь по льду и снегу, по морозной степи.

Однако эти скитавшиеся по степи люди не были шайкой авантюристов, грабителей и убийц. Такими они, конечно, казались большевикам. Четыре тысячи воинов были последними остатками прежней демократической и интеллектуальной России, защищаясь над бездной в донских и кубанских степях. Корнилову сочувствовали все, кто были против большевиков. Низкорослый генерал, похожий на монгола, воплощал русскую политическую мечту – Учредительное Собрание.

Беглые китайцы, персы, министры, разбойник по прозвищу Белый дьявол, аристократы-гвардейцы – всё это было неким гарниром. Идея Белой России, идея, двигавшая генерала по степи, была той самой старой либеральной идеей свободы мысли: теперь ее гарантами служили шпага Корнилова и дубинки, которыми колотили крестьян.

Навстречу Корнилову двигалось всё большевицкое войско. В ней не хватало офицеров, только солдаты. У Корнилова не было солдат, только офицеры. Горстка этих опытных офицеров пыталась противостоять неопытной массе красноармейцев. Генералы и офицеры воевали как рядовые. На берегу реки Лаба можно было наблюдать зрелище, какого в Европе не видали уже столетиями. Когда белое войско стало уступать, главнокомандующий со своей личной охраной бросился в гущу боя. Рядом с ним бились генералы.

Плакат «Белой России» 1919 года

С боями армия вышла из донских степей на Кубань. Она прокладывала себе путь по замерзшим рекам, в боях с многочисленным врагом. Ее целью был Екатеринодар – столица Кубани. Вдалеке уже показались голубые вершины Кавказа. Вскоре начали таять лед и снег, а вместе с ними – и Белая армия.

К концу зимы за генералом шло только две тысячи офицеров: остальные либо погибли, либо дезертировали. Белая Россия агонизировала и походила на смертельно больного чело-

века. На помощь неожиданно пришли сами большевики, которые принялись грабить сельский Юг. Число крестьян, восторгавшихся загадочными Советами, резко упало. Там и сям в деревнях бунтовали, и большевики показали, что по крайней мере искусству усмирять мятеж они выучились у генералов.

У подножия Кавказа стали встречаться удаленные друг от друга черкесские аулы. Первым из них оказался Нешукай. Как обычно, Корнилов послал своего представителя для переговоров с местным населением ради беспрепятственного прохода. Гонцы, побыв в ауле, вернулись с известием о том, что он оставлен жителями. Лишь спустя несколько часов на холмах показались редкие люди. Придя к генералу, они заявили:

– Мы вольный черкесский народ. Большевики обещали дать нам всё, что нужно. Мы им поверили. Но сейчас наши дома ограблены, наши женщины обесчещены. Там, где раньше жило триста человек, теперь не больше ста. Веди нас, генерал, мы хотим отомстить большевикам!

Аулы, один за другим, присоединились к армии. Мулла провозгласил джихад, взвился зеленый стяг Пророка. На площади перед мечетью генерал принял парад новой дивизии. Затем армия вышла на марш. Муэдзин с минарета пел молитвы о мести. Крестьяне с Восточного Кавказа пополнили поредевшие ряды войска. Впервые зеленый флаг Пророка развивался рядом с царским. И этому невольно способствовали сами враги.

Армия продолжала марш. Снова пришли холода, а на горизонте показались вооруженные большевики. Снова Белую Россию окружила Красная армия. Войско приближалось к Екатеринославу, где должна была решиться его судьба. Силы красных собрались в этом городе, который обороняли пушки, привезенные с фронтов Первой мировой войны. Отряды черкесов, персов и гвардейцев, без боеприпасов, в потрепанных мундирах окружили город.

Корнилов сосредоточил вокруг города всех своих воинов. Штурм он возглавил сам. Долгий поход по ледяной пустыни и легендарная борьба с большевиками-насильниками сделали Корнилова народным героем. Под его знамена стекались крестьяне и казаки. Атака на город началась на периферии. Все – казаки, черкесы, офицеры – знали, что захват Екатеринослава под водительством героического Корнилова станет началом освобождения России. Был необходим яростный штурм.

Сам Корнилов вел армию. На стороне большевиков, за пушками стояли боевые моряки – гордость революционной армии. Матросы, зоркие и опытные, могли умело вести прицельный огонь. Во время третьей атаки Главнокомандующий России, генерал Корнилов пал жертвой вражеского снаряда.

Весть о гибели генерала не разглашалась. Текинцы ночью принесли его останки в полуразрушенную церковь. Первый попавшийся, страшно перепуганный священник совершил панихиду. В темной церквушке стояли генералы старой России и текинцы. Все плакали. Они знали, что с Корниловым погиб истинно народный герой, единственный популярный генерал старой империи.

Весть постепенно стала распространяться по армии, оказав свой печальный эффект. Усилилось кольцо окружения. Штурм прекратился, армия отступила, и вскоре ее сжало железное большевицкое кольцо. Обязанности командующего взял на себя генерал Деникин. Почти чудом он прорвался сквозь окружение, уведя остатки разбитой армии. Эвакуировать раненых не удалось, весь обоз с провиантом достался врагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.